

**Pro et contra: дискуссии о дуэли в российской публицистике
конца XIX – начала XX вв.**

Марьенко Н. Ю.

<https://orcid.org/0000-0003-4299-4165>

аспирант

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Площадь Свободы 4, 61022, Харьков, Украина

nikita.marienko77@gmail.com

В статье рассматриваются дискуссии о дуэли как социальном феномене, которые разгорелись в российской публицистике конца XIX – начала XX вв. В значительной степени они были инициированы изменением дуэльного законодательства в 1894 г., когда в соответствии с «Правилами о разбирательстве споров, случающихся в офицерской среде» произошла легализация поединков в офицерском сообществе, а Суд общества офицеров был наделён новой функцией – рассматривать «дела чести» и по своему усмотрению назначать дуэль в тех или иных конфликтных ситуациях. Данное законодательное нововведение по-разному было воспринято обществом. Так, М. Драгомиров критиковал излишне широкие полномочия, которые были предоставлены Суду общества офицеров, и видел в новом законе дискредитацию личной чести, которая теперь противопоставлялась корпоративным представлениям о правилах и нормах разрешения личных конфликтов. П. Левитов и В. В. Набоков обращали внимание общественности на участвовавшие поединки среди депутатов Государственной Думы. Ряд авторов (Б. Адамович, В. Короленко, А. Киреев, С. Недражов и др.), отстаивая свои позиции, обращался к трагическим судьбам и последним дуэлям Пушкина и Лермонтова, приведшим к их гибели. При этом выводы, к которым приходили публицисты, были совершенно противоположными. В работах богослова и церковного историка А. Бронзова дуэль рассматривалась с точки зрения принципов христианской морали. Примером прямой дискуссии оказалась работа анонимного обер-офицера, написанная в ответ на статью А. Киреева. Этот «обмен мнениями» обозначил социальную несправедливость, заложенную в новое дуэльное постановление, разнообразие несхожих точек зрения на одно и то же явление, и также непримиримость, с которой велись дискуссии о дуэли. Автор статьи выделяет и анализирует метафорические выражения, основные сюжетные линии и риторические приёмы, которые были характерны для рассматриваемых дискуссий. В заключении отмечено, что данные дискуссии о поединке не только чётко обозначили вопросы о моральной правомочности дуэли и социальном статусе его участников, но также отразили социальное напряжение и обозначили культурные барьеры, характерные для поздней Российской империи.

Ключевые слова: дуэль в Российской империи, публицистика, дискурс.

До недавних пор изучение поединков в Российской империи чаще всего осуществлялось на основании литературных источников [См., напр.: 5; 18; 24]. Значение художественной литературы общеизвестно, однако наше представление о дуэли будет однобоким, если ограничиться признанием её в качестве наиболее авторитетного и репрезентативного источника. Не меньшую роль в процессе исследования феномена дуэли должны играть и другие тексты. Так, совсем недавно была опубликована монография А. А. Иванова, в которой автор осуществил внушительный обзор многочисленных газетных публикаций, посвящённых дуэльным скандалам депутатов Государственной Думы (1906–1917 гг.) [7]. Мы же хотим обратить внимание на основные векторы дискуссии о дуэли, которая разгорелась в российской публицистике в 1894 г., т. е. после изменения дуэльного законодательства.

В соответствии с «Правилами о разбирательстве ссор, случающихся в офицерской среде» (1894 г.) Суд общества офицеров получил новую функцию – рассматривать дела чести в офицерском сообществе [16, с. 258]. Таким образом, дуэль приобрела принципиально новый статус – И. Рейфман определяет его как «частично легализованный» [18, с. 90], А. Мельникова как «полузаконный» [12, с. 277]. Хотя указания на полную безнаказанность поединка в этом законе не было (на что и указал автор, скрывшийся за псевдонимом «М. Э.» [13, с. 46–47], тем не менее, дуэль в одночасье превратилась из полностью запрещённого в почти разрешённый способ решения личных конфликтов, что и обусловило всплеск публицистических работ о поединке.

Весомая часть критики обрушилась на сам закон 1894 г. Негативную оценку новому законодательному постановлению, разрешающему поединки, давали и те, кто, в целом, не был абсолютным противником конфликтов чести. Например, такую позицию занимал видный военный теоретик М. Драгомиров. Возможность и в некоторых случаях целесообразность дуэли он не отрицал: «... человек оскорбил мою родину, мой полк, мою мать, сестру, жену, дочь. Что тут мыслимо, кроме дуэли? Это действительно вопросы чести, и притом большею частью такие, которых формальный суд разрешить не может, ибо, первое, в законе и подходящих статей не найдёте, а второе, что бывают дела, из-за которых человек скорее пойдёт на смерть, нежели на огласку. И с этой точки зрения (но только с этой) разрешение дуэлей и признаю величайшей милостью, ибо оно даёт право на смертельную расправу в тех случаях, когда иной и быть не может» [6, с. 1]. Критика закона 1894 г. М. Драгомировым заключалась в отказе принимать за должное слишком широкие полномочия, которыми закон наделил Суд общества офицеров, так как это, по его мнению, означало полную дискредитацию личной чести: «... ведь честь-то во мне, а не вне меня; ведь она моя, а не кого-нибудь иного; и решать о том, поругана она или нет, могу только я, и никто другой – иначе она не моя» [6, с. 12]. В целом, следует сказать, что мнение М. Драгомирова по поводу природы дуэлей и понимания чести в российском обществе было довольно оригинальным. Можно предположить, что идейная позиция этого автора объясняется весьма критическим отношением к использованию на российской почве западных традиций, заимствованных, как он считал, с неким раблепным чувством подражания и досадным стремлением не отставать от «высококультурного» западного общества. Для него это «полное отсутствие самостоятельности, дурно понятое личное

достоинство, не больше: да ещё на подкладке трусости перед тем, чтобы не сочли трусом» [6, с. 5]. М. Драгомиров призывает избавляться от этого пагубного влияния: «Ах, помилуйте! Что скажет Европа? Да пусть говорит, что хочет... Потщимся же быть самими собой; «... пора быть самими собой» [6, с. 7]. Саму проблему возникновения конфликтов чести публицист видит в отсутствии уважения друг к другу, в самом состоянии общества. Для того, чтобы пояснить своё мнение, автор прибегает к метафорическим сравнениям, рассказывая «историю с клопами и тараканами»: «В избе развелись клопы и тараканы; первые язвят да воняют здорово; вторые и в щи падают и во сне покоя не дают – совсем скверно. Что делать? Одни предлагают сети для вылавливания сказанных насекомых; другие – пистолеты, чтобы их перестрелять: третьи, наконец, заметив, что в чисто содержимых избах их не водятся, говорят: и не переловите вы их, и не перестреляете, пока у вас будет грязно, а заведите чистоту – сами переведутся» [6, с. 9]. Также М. Драгомиров предостерегал от того, чтобы выходить на поединок по любому поводу. Особенно интересным здесь был пример, связанный с рукоприкладством, которое он называл «отрыжкой крепостного права» [6, с. 6]. По его мнению, рукоприкладство всегда было и будет, и не нужно любое причинение физического насилия воспринимать как потенциальный повод к поединку – аргументом же здесь послужил случай из жизни А. Суворова, который в своё время получил пощёчину от В. Нащокина, но отвечать на неё отказался: «Что же, умалили ли пощёчины Суворова? Не остался ли он и после них, и не отомстивши за них, тем же Суворовым? Не даром ли сказано, что действительно храбрый презирает дуэль» [6, с. 3].

Призыв к тому, чтобы не отвечать оскорблением на оскорбление, насилием на насилие не единожды встречался в работах и других публицистов. Так, П. Левитов и М. Теодорович считали, что отказ от поединка предполагает большее мужество, чем соглашение на него [11, с. 2; 20, с. 17]. Наиболее распространённым аргументом в этом ключе был один эпизод из античной истории, на который также ссылались разные авторы [6, с. 4; 22, с. 15] – речь идёт о словах Фемистокла: «Бей, но выслушай».

Отдельного внимания заслуживает статья П. Левитова, обратившего внимание на дуэли с участием депутатов Государственной Думы [11]. «Парламентские» дуэли действительно были заметным явлением (что и доказал А. А. Иванов, обнаруживший более 40 дуэльных эпизодов с участием депутатов) [7, с. 591]. Учитывая, что «избранники народа» стремились любым способом обратить на себя внимание, понятной стала реакция общественности. В частности, возмущение, вызванное тем, что такие дуэли приобрели слишком широкую огласку, звучит в следующей цитате: «Вместо того, чтобы заклеить дуэлянтов заслуженным презрением, их встречают аплодисментами, им шлют приветственные телеграммы, их фотографируют, как героев, их имя становится всё более и более популярным в массах» [11, с. 1].

Критиковал парламентские поединки и В. Д. Набоков, известный юрист, один из лидеров партии кадетов в Государственной Думе: «Парламентские дуэли почти никогда не имеют тех признаков, о которых говорят, указывая на необходимость защиты личной чести и достоинства. Здесь происходит сведение политических счётов посредством дуэли, и этим в сущности даётся возможность совершать безнаказанно или почти безнаказанно политические убийства, приобретая ещё, быть может, ореол героя» [14, с. 21]. В. Д. Набоков был последовательным критиком поединков,

и особенное внимание он уделял власти общественного мнения, довлеющего над участниками каких-либо частных ссор и заставляющего их выходить к барьеру. В частности, об этом он писал в своей работе в 1910 г.: «Я лично думаю, что те, кто так говорят, обнаруживают известную робость перед общественным мнением, и я с этой точки зрения нахожу, что раз человек вполне признаёт и исповедует известное убеждение, а затем сознательно в нарушение его поступает противоположным образом, ради общественного мнения и предрассудка, то в сущности он этим доказывает наличие тех свойств, которые он больше всего хочет скрыть – именно известную робость и трусость перед общественным мнением» [14, с. 20]. Однако судьба сыграла с ним злую шутку – уже в 1911 г. с его стороны последовал вызов на поединок М. Суворину. Причиной этой истории была неприятная ситуация. Некто Н. Снессарев, сотрудник газеты «Новое время», опубликовал следующее: «Г. Набоков, будучи беден, как Иов на гноище после ограбления его караванов, женился на богатой московской купчихе. Это факт. Но если на вопрос, кто такой г. Набоков, я отвечу: «человек, женившийся на деньгах», то несомненно прибегну к инсинуации. Можно жениться на миллионерше и не быть содержанцем» [19, с. 5]. После этого со стороны В. Д. Набокова последовал вызов исполняющему обязанности редактора газеты М. Суворину – Н. Снессарев после клеветы в глазах В. Д. Набокова уже не был дуэлянтоспособным. М. Суворин вызов на поединок не принял – а пострадавший был вынужден изложить суть дела в газете «Речь», в которой он объяснил читателям, что при сложившихся обстоятельствах для него «психологически невозможно» отказаться от дуэли [2, с. 120–122]. М. Суворин заявил, что вызова со стороны В. Д. Набокова никогда не было. В ответ на это пострадавший, имея на руках письменный отказ редактора, опубликовал его в «Речи» [2, с. 120–122]. Таким образом, и М. Суворин, после такой лжи, перестал наделяться правом на поединок. В конечном итоге, секунданты Н. Снессарева предприняли попытку передать картель В. Д. Набокову, который он, разумеется, уже не принял [10, с. 172]. Мы несколько не иронизируем по поводу случая, который после написания работы «Дуэль и уголовный закон» произошёл с В. Д. Набоковым, но эта ситуация показательна. Таким образом, мнение Базарова о поединке («С теоретической точки зрения дуэль – нелепость; ну а с практической точки зрения – это дело другое» [21, с. 140] приобрело воплощение уже в реалиях начала XX в.

Важнейшей особенностью публицистического дискурса было обращение авторов к судьбам А. Пушкина и М. Лермонтова. Эти поединки, которые привели к гибели, служили для публицистов одним из аргументов, подтверждающих их логические построения. По свидетельству В. Короленко, «Эти две дуэли кинули трагическую тень на всю дальнейшую историю нашей молодой литературы, и всякий раз, когда русский человек думает и говорит о дуэли, в его памяти невольно и неотразимо встают эти две скорбные тени» [9, с. 296]. Одни призывали «искоренить дуэли в знак уважения к памяти Пушкина» (такой риторический приём критиковал Б. Адамович) [1, с. 3], доказывали, что смерть Пушкина – смерть вовсе не геройская, а заблуждения гения – всё равно заблуждения [11, с. 4], сетовали на то, что гибель Пушкина до сих пор заставляет их рыдать [15, с. 21]. Другие – рассматривали пример Пушкина и Лермонтова в качестве отрицательных: «... ни Пушкин, ни Лермонтов не могут служить примером в отношении учения о дуэли. Они служат, скорее, как отрицательный пример, что у

нас на Руси погибли в раннем возрасте, в расцвете своего таланта, два великих гения, на дуэли с ничтожными людьми по самому неразумному и нехристианскому поводу и ничем не оправдываемому» [17, с. 38]. Третьи – наоборот, оправдывали поединок с помощью фактов дуэлей Пушкина и Лермонтова, – впрочем, весьма странным образом: «Неужели Пушкин, Лермонтов, эти «невольники чести», – неразвитые «дураки»? [8, с. 24].

Ещё одним способом аргументации в публицистических произведениях стало обращение к принципам христианской морали. Наиболее показательны в этом отношении две статьи церковного историка и православного богослова А. Бронзова. Его первая работа о дуэли спровоцирована появлением в русском переводе исследования о чести немецкого философа и юриста И. Экштейна [23], в которой он предлагал бороться с дуэлями исключительно с помощью закона. Для А. Бронзова подобное отношение к делу не могло привести к какому-либо позитивному результату, для него и уголовный закон, и содействие светской морали, и доводы разума бессильны прекратить существование поединков, поэтому для богослова единственным оружием, способным разрешить этот спор, были христианская религия и мораль [3, с. 793]. В другой своей статье А. Бронзов сравнивал дуэль с самоубийством: «... однородна с самоубийством и так называемая дуэль»; «... дуэлист – самоубийца в существе дела» [4, с. 249]. Более того, в его глазах даже убийство выше и благороднее поединка, так как оно имеет больше смысла, ведь страдает обидчик, но не обиженный [4, с. 252]. Данный автор не называл своих идейных противников, однако противопоставлял свои взгляды неким мнениям. Таким образом, некоторые дискуссии велись с «условным противником».

Примером настоящей дискуссии стала работа «Против поединков», написанная анонимным обер-офицером в ответ на статью А. Киреева «Письма о поединках». Авторы этих рассуждений о дуэльном вопросе были явными идейными оппонентами: А. Киреев был защитником и приверженцем поединков, а анонимный публицист – их безусловным противником. Этот словесный «поединок» стал ярким примером непримиримости мнений о дуэли. По мнению А. Киреева, поединок «существовал, существует и будет существовать», кроме того, он и «должен существовать» [8, с. 3–4]. Риторике противников этого явления он критикует и считает её в корне неверной, так как они «рассматривают проблему не с того конца»: «... они рассматривают симптомы, но не саму болезнь» [8, с. 4]. Болезнь же, сточки зрения защитника конфликтов чести, заключалась в некультурности, грубости, недостатке уважения к другой личности, апоединок это только симптом – «печать болячку, но не организм» [8, с. 4]. Критикует он стиль аргументации противников и с «технической» стороны, поскольку они постоянно используют образы и доказательства, которые заведомо грешат предвзятостью. Например, А. Киреев указывает на такие клише, объясняющие поединок: «невменяемость (была пьянь, увлёкся)», «широкая русская натура», «можно ли узаконить нелепость», «подставлять свой лоб будет дурак», «это глупее карт», «языческий обычай», «это убийство, а более грязных рук, как руки убийцы Каина, быть не может», «средневековые предрассудки» и т.д. [8, с. 24]. В свою очередь, для А. Киреева поединок – дело серьёзное, а «не азартная игра, не поездка в Монте-Карло» [8, с. 27]. Естественно, А. Киреев был едва ли не самым ревностным защитником закона 1894 г. Его формулировка нового постановления по-своему блистательна – «для тяжкой болезни горькое

лекарство» [8, с. 12]. Оппонент же А. Киреева был непримиримым противником нового дуэльного закона. Мнение 200 генералов, на которые ссылался А. Киреев, он считал фикцией, не выдерживающей никакой критики, учитывая то, что офицеров в армии не 200, а 35 тысяч [17, с. 5]. Но главным аргументом анонимного автора было не это: «... вопросы о поединках решали те, кто по нашим законоположениям на дуэль не выходят и суду чести не подлежат, а между тем распоряжаются чужой жизнью и чужой честью по своему усмотрению» [17, с. 6]. После этого он приводит несколько примеров, когда после конфликтов обер-офицеров с генералами, генералы отказывались наделять обер-офицеров правом на поединок, а вместо этого предавали их военному суду, а одна из таких ситуаций закончилась тем, что одного обер-офицера отправили на каторгу в Сибирь, и по дороге он застрелился [17, с. 9–10]. Таким образом, критика анонимного публициста была построена на сюжете социальной несправедливости закона 1894 г., не наделявшего всех офицеров равными правами.

Подводя итог, отметим, что именно изменение дуэльного законодательства в 1894 г. обусловило всплеск публицистической активности по вопросу о поединке. Её результатом стало появление новой дуэльной риторики, постановка вопросов о моральной правомочности дуэли как способа защиты личной чести и о социальном статусе участников поединков. Главным итогом дискуссии можно считать то, что дуэль из дворянской узкосоциальной привилегии превратилась в общественно значимое и широко обсуждаемое явление. Данная публицистическая «дуэль» зафиксировала социальное напряжение и культурные барьеры, которые были характерны для России периода поздней империи.

1. Адамович Б. Что может в вопросах чести доказать поединок? / Б. Адамович. – СПб., 1899. – 5 с.
2. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография / Б. Бойд. – М.: Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2001. – 695 с.
3. Бронзов А. А. К вопросу о дуэли / А. А. Бронзов // Христианское чтение. – 1897. – № 12. – С. 785–804.
4. Бронзов А. А. «Христианское» самолюбие / А. А. Бронзов // Христианское чтение. – 1897. – № 8. – С. 239–264.
5. Востриков А. В. Книга о русской дуэли / А. В. Востриков. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 320 с.
6. Драгомиров М. Дуэли / М. Драгомиров. – К., 1900. – 16 с.
7. Иванов А. А. «Дело чести»: Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917) / А. А. Иванов. – СПб., Владимир Даль, 2018. – 634 с.
8. Киреев А. Письма о поединках / А. Киреев. – СПб., 1899. – 60 с.
9. Короленко В. Г. Русская дуэль в последние годы / В. Г. Короленко // Полное собрание сочинений в 9 т. – СПб., 1914. – Т. 4. – С. 296–302.
10. Левинг Ю. Антипатия с предьсторией / Ю. Левинг // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 96. – С. 154–190.
11. Левитов П. В. О дуэли / П. В. Левитов. – Екатеринослав, 1912. – 8 с.
12. Мельникова А. А. Дуэль в России в контексте языковой специфики / А. А. Мельникова // Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. – СПб.: Речь, 2003. – С. 277–311.

13. М. Э. Дуэль и честь в истинном освещении / М. Э. – СПб., 1902. – 64 с.
14. Набоков В. Д. Дуэль и уголовный закон / В. Д. Набоков. – СПб., 1910. – 52 с.
15. Недражов С. М. Три смерти преждевременного и противоестественного рода. Дуэль, легкомыслием накликанная гибель и казнь / С. М. Недражов. – СПб., 1911. – 54 с.
16. Полное собрание законов в Российской империи. Собр. 3-е. – СПб., 1898. – Т. 14. – 1529 с.
17. Против поединков. Ответ генералу Кирееву обер-офицера русской армии. – СПб., 1900. – 68 с.
18. Рейфман И. Ритуализованная агрессия: Дуэль в русской культуре и литературе / И. Рейфман. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 336 с.
19. Снессарев Н. Урок инсинуации / Н. Снессарев // Новое время. – 1911. – № 12786. – С. 4–6.
20. Теодорович М. Ф. Дуэль и вопросы чести / М. Ф. Теодорович. – М., 1918. – 28 с.
21. Тургенев И. С. Отцы и дети / И. С. Тургенев // Сочинения в 12 т. – М.: Наука, 1981. – Т. 7. – С. 5–191.
22. Шавров В. К. Нормировка правил дуэли в законе / В. К. Шавров. – К., 1899. – 39 с.
23. Экштейн И. Честь в философии и праве / И. Экштейн. – СПб., 1895. – 178 с.
24. Sholle C. Das Duell in der Russischen Literatur / C. Sholle. – Munchen: Verlag Otto Sagner in Commission, 1977. – S. 195.

Marienko N. Yu. Pro et contra: Discussions about Duels in Russian Publicistic in the Late 19th and Early 20th Centuries

<https://orcid.org/0000-0003-4299-4165>

PhD Student

V. N. Karazin Kharkiv National University

4 Svobody Sq., 61022, Kharkiv, Ukraine

nikita.marienko77@gmail.com

The article reviews the discussions on duel as a social phenomenon which broke out in the Russian journalism in the late 19th and early 20th century. To a significant extent, it was caused by modification of the duel legislation in 1894 when, in accordance with the Rules of Dispute Settlement among Officers, duels were legalised in the officer community and the Court of the Officer Society was granted a new authority: to review “the affairs of honour” and to appoint a duel in some conflict situations at own discretion. This legislative novelty was perceived by the society in different ways. For instance, M. Dragomirov criticised the discretionary power granted to the Court of the Officer Society and considered the new law as discrediting of personal honour which was now set against corporate views on rules and standards of settlement of personal conflicts. P. Levitov and V. V. Nabokov drew attention of the society to duels between the deputies of the State Duma which had become more frequent. A number of authors (B. Adamovich, V. Korolenko, A. Kireev, S. Nedrazhov, etc., maintaining their positions, referred to tragic fates and the last

duels of Pushkin and Lermontov which had led to their deaths. The conclusions the publicists drew were absolutely opposite to each other. In the works by theologian and church historian A. Bronzov, duels were considered in the context of the principles of Christian ethics. One of examples of a direct discussion was a work by an anonymous company officer written in response to the article by A. Kireev. This "dialogue" pointed at social injustice contained in the new duel decree as well as at diversity of different points of view at the same phenomenon. The author of the article notes and analyses metaphorical expressions, major plot lines and rhetorical figures which were common for the reviewed discussion. It is noted in the conclusion that this discussion on duels not only clearly emphasised the questions of moral legitimacy of a duel and social status of its participants but also reflected the social tension and cultural barriers common during the late period of the Russian Empire.

Keywords: duel in the Russian Empire, publicistic, discourse.

Мар'єнко М. Ю. Pro et contra: дискусії про дуель у російській публіцистиці наприкінці XIX – на початку XX ст.

<https://orcid.org/0000-0003-4299-4165>

аспірант

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Майдан Свободи 4, 61022, Харків, Україна

nikita.marienko77@gmail.com

У статті розглядаються дискусії про дуель як соціальний феномен, які спостерігалися у російській публіцистиці кінця XIX – початку XX ст. У значній міровони були ініційовані зміною дуельного законодавства у 1894 р., коли відповідно до «Правил про розгляд сварок в офіцерському середовищі» відбулась легалізація поєдинків в офіцерському середовищі, а Суд суспільства офіцерів був наділений новою функцією – розглядати «справи гідності», й на свій розсуд призначати дуель в тих чи інших конфліктних ситуаціях. Це законодавче нововведення по-різному було сприйнято суспільством. Так, М. Драгомиров критикував занадто широкі повноваження, які були надані Судові суспільства офіцерів, і бачив у новому законі дискредитацію особистої гідності, яка тепер протиставлялась колективним уявленням про правила та норми вирішення особистих конфліктів. П. Левитов і В. В. Набоков звернули увагу громадськості на те, що почастишали поєдинки серед депутатів Державної Думи. Ряд авторів (Б. Адамович, О. Кіреєв, В. Короленко, С. Недражов та інші), відстоюючи свої позиції, звертався до трагічних доль і останніх дуелей Пушкіна й Лермонтова, які привели до їх загибелі. Проте висновки, яких дійшли публіцисти, абсолютно протилежні. У роботах богослова і церковного історика О. Бронзова дуель розглядалася з точки зору християнських принципів моралі. Прикладом прямої дискусії виявилася робота анонімого обер-офіцера, яка була написана у відповідь на статтю О. Кіреєва. Цей «обмін думками» зафіксував соціальну несправедливість, яку було закладено в нову дуельну постанову, розмаїття несхожих точок зору щодо одного явища, а також

непримиренність, з якого дискутували про дуель. Автор статті виокремлює та аналізує метафоричні вирази, основні сюжетні лінії та риторичні засоби, які були характерні для розглянутої дискусії. У висновку відзначено, що ці дискусії про поєдинок не лише чітко визначили питання про моральну правомірність дуелі та соціальний статус його учасників, але також відобразили соціальну напругу та визначили бар'єри, характерні для пізньої Російської імперії.

Ключові слова: дуель в Російській імперії, публіцистика, дискурс.